

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

«ПРОТОГОРОД»: А БЫЛА ЛИ ПРОБЛЕМА?

П.А. Корчагин, А.Ф. Мельничук

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул.Букирева, 15

Анализируются дискуссионные вопросы возникновения восточно-европейских городов.

С ростом интереса к социально-политической проблематике изучения первобытного общества формулируются новые взгляды на процессы политогенеза: зарождение потестарных структур, становление социальной стратификации, образование ранних городов и многие другие. Среди указанных процессов важное место занимает формирование городов. Г. Чайлд, изучая коренные изменения в социальной и экономической жизни первобытного общества в период становления производящей экономики, одновременно с термином «неолитическая революция» ввел в научный оборот термин «городская революция», которую понимал как неотъемлемую составную становления цивилизации¹.

Город, как отмечала Э.В. Сайко, «обозначил переход к историческому новому обществу - к цивилизации»². В связи с этим исследователей, обращающихся к непростым процессам политогенеза, прежде всего интересует характер становления ранних городов как одного из важных признаков формирования цивилизации. Не вызывает сомнения, что переход от первобытно-общинного строя к государству неотделим от трансформации первобытного поселения в город.

Изучение городов чрезвычайно сложно. Это касается как их происхождения, так и роли в жизни общества на разных стадиях исторического развития, о чем свидетельствует существование десятков определений города³, которое порождает определенную терминологическую неразбериху, особенно при исследовании генезиса городов («протогород», «ранний город», «раннегородские структуры» и пр.). Попытки осмысления данного феномена привели к появлению терминов «протогород» и даже «протогородская цивилизация», которые в последние десятилетия XX в. начинают распространяться в научных построениях отечественных археологов⁴.

Рассмотрим, в связи с какими конкретными историческими явлениями в научной литературе употребляются термин «протогород» и другие близкие по смыслу понятия.

В ходе исследования древнеземледельческих культур Месопотамии, Средней Азии, Балкано-Дунайских областей и Украины были открыты крупнейшие населенные центры или даже супер-

центры, площадь которых достигала, например, в ареале распространения трипольской культуры 200-250 га⁵, что уже не укладывается в рамки прежних представлений. Ряд украинских ученых под влиянием идей Г. Чайлда, Дж. Брейвуда, Дж. Мелларта пытались объявить крупные трипольские центры протогородами энеолитической Восточной Европы, так как в них насчитывалось по приводимым данным от 10 до 20 тыс. человек⁶. Позднее Н.М. Шмаглий охарактеризовал Майда-нецкое поселение даже как «земледельческо-скотоводческую предстанцию восточно-европейского города, аграрного в основе»⁷.

Однако эти представления не нашли поддержки у исследователей, в частности, у В.М. Массона. Как он справедливо отмечал, некоторые исследователи поспешно объявили крупные первобытные центры протогородами, в то время как формирующиеся социально-политические структуры этих догосударственных обществ не обладали признаками урбанизации⁸. По этому же поводу Э.В. Сайко писала, что «...трипольские поселения бугодноднестровской группы ... намного превосходили по своим размерам не только другие, в том числе последующие и одновременные поселения других областей, но и древнейшие города. Однако и они не выполняли и не могли выполнять, в частности, интегративные функции на уровне города... Практически они представляли лишь умножение элементов однопорядковых поселений и по всей структуре, организации и содержанию жизнедеятельности в них не отличались от последних»⁹.

Хотя термин «протогород» возник и начал употребляться в научной литературе при изучении сложных социальных процессов, проявившихся в структуре раннеземледельческих энеолитических обществ Юга Евразии, неожиданно он стал употребляться в археологической литературе, посвященной социально-культурным процессам на территории, занятой славянским и финно-угорским этносом.

Термин «протогород» использовался в связи с изучением раннесредневековой истории лесной полосы Восточной Европы (VIII-XI вв.), когда в недрах позднепервобытных общин происходят сложные социально-политические процессы, приводящие к формированию ранних государств

(Древняя Русь, Волжская Булгария) и возникновению ряда торгово-ремесленных поселений, которые характеризуются высокой концентрацией населения и зачастую наличием серьезных оборонительных сооружений¹⁰. Это характерно прежде всего для Балтийского региона, который со второй половины VIII в. активно устанавливал торговые контакты со странами Востока, а чуть позже - с Восточной Римской империей по Днепровскому пути («Путь из Варяг в Греки и из Грек...»). Такие «протогорода» некоторыми историками именуется торговыми факториями¹¹.

Для обозначения поселений, которые играли «роль катализатора новых общественных функций», В.А. Булкин и Г.С. Лебедев ввели в научный оборот термин «открытые торгово-ремесленные поселения». В их число авторы включают Ладогу, Рюриково городище, Тимерево и Гнездово, где сосредоточилось полиэтническое население, развивались городские ремесла, складывались новые формы социальной общности – военная дружина, купеческие объединения¹².

И.В. Дубов считает, что открытые торгово-ремесленные поселения имеют право именоваться протогородами или протогородскими образованиями, при этом он ссылается на работы германского ученого Г. Янкуна. По Дубову, Г. Янкун обнаруживает в VII в. открытые морские торговые поселения, которые тот именуется «торговые места» («HANDELSPLATZE»), в средневековых источниках именуемые «виками» (от лат. слова – залив, порт). И.В. Дубов пытается «откорректировать и конкретизировать положения» Г. Янкуна и настаивает на том, что «его выводы не могут быть приемлемы, так как они не учитывают важной посылки, что возникновению протогородских центров должны были предшествовать определенные экономические и социальные условия. Конкретная форма протогорода является их проявлением»¹³.

И.В. Дубов, рассматривая местные первичные центры как протогорода, предшествующие настоящим городам, анализирует своеобразное явление «переноса городов»: на смену Тимерево приходит Ярославль, Сарскому городищу - Ростов Великий, Клещину - Переславль Залесский¹⁴. Он полагает, что «перенос» есть следствие сложных процессов, когда протогорода «начинают терять свое значение и постепенно вытесняются с исторической арены подлинными городами»¹⁵.

К сожалению, исследователь явно не сформулировал, что же подразумевается под «протогородом». Однако из контекста можно понять, что в данном случае это населенный пункт, который никогда не станет городом, - скорее «недогород», чем «первогород». Как видим, наполнение понятия «протогород» у И.В. Дубова существенно иное, нежели у его коллег, специалистов по энеолиту. Кроме того, налицо логическая неувязка: если сначала у нас в наличии «протогорода», то почему на новые места «переносятся» города без кавычек.

Чтобы выбраться из логических несообразностей, стоит обратить особое внимание на основные функции открытых торгово-ремесленных поселений, факторий, существовавших на пути «из Варяг в Греки», – дальнюю торговлю и связанные с ней ремесло и военное дело. Им не были свойственны основные функции «настоящего» города – центра сельскохозяйственной округи и средоточия государственной власти. Как убедительно показал П.П. Толочко, на деле «переносился» не город, а центр властвования, «перенос города» - явление не топографическое, а политическое. Это специфическая форма «окняжения» территории, прежде контролируемой этнически и социально разнородной группировкой, ведущей дальнюю торговлю¹⁶.

«Перенос» городов имел место и позднее, и также переносился не собственно город, а центр властвования. Укажем хотя бы на перенесение великого княжения из Киева во Владимир или столицы из Москвы в Санкт-Петербург и обратно.

«Протогородская проблема» имеет свою историю и в Среднем Приуралье, хотя первоначально сам термин «протогород» не использовался. Еще известный русский археолог А.А. Спицын отмечал, что развитие и рост городищ, или, как он писал, городов, связан у финно-угорских народов Приуралья с развитием торговли¹⁷. Позднее концепцию развития феодализма у древних финно-угорских народов развивал А.П. Смирнов, усматривая на их территории феодальные города и замки¹⁸.

В.А. Оборин в своих ранних работах косвенно поддерживал взгляды А.П. Смирнова применительно ко времени начальной стадии русской колонизации Прикамья в XV в. Он считал древний Искор феодальным замком аборигенного князя¹⁹. В конце своей научной деятельности В.А. Оборин вновь заинтересовался «протогородской» концепцией, но, к сожалению, не выразил своего отношения к этой проблеме в печати. Однако, судя по его посмертно изданной работе, посвященной археологическому изучению г. Чердыни, ученый крайне осторожно относился к термину «протогород», ни разу его не употребив²⁰.

Определенный интерес проявила в начале 90-х г. XX в. к термину «протогород» Р.Д. Голдина²¹. Однако она отказалась от этого термина и квалифицировала известное городище Иднакар, которое по всем параметрам не уступает Рождественскому городищу и городищу Анюшкар в Верхнем Прикамье, как племенной ремесленный центр, отмечая, что финское «общество эпохи средневековья характеризовалось многими особенностями, свидетельствующими о разложении первобытнообщинных отношений и формировании классов, но процесс этот в исследуемое время еще не достиг своего завершения»²².

Крайне осторожно отнеслась к термину «протогород» и М.Г. Иванова, которая рассматривает памятники типа городища Иднакар как центры

«консолидирующейся этносоциальной общности», эволюция которых «была обусловлена потребностями внутреннего развития, вследствие этого археологические признаки – критерии, определяемые для древнерусских городов, в материалах Иднакара проявляются в ослабленной форме»²³.

«Протогородскую» концепцию применительно к региону Среднего Приуралья в настоящее время развивают А.М. Белавин и его коллеги²⁴. К сожалению, нам представляется, что А.М. Белавин воспринял идеи В.А. Булкина, И.В. Дубова и Г.С. Лебедева без должного критического осмысления. Исследователи Пермского педагогического университета, как и прочие, не приводят определений ни «протогорода», ни «протогородской цивилизации» и при описании этих структур допускают те же логические ошибки, что и исследователи Древней Руси²⁵.

В частности, не ясно, на каком фундаменте строится положение о том, что почти все крупные городища Верхнего Прикамья относятся к протогородам: «Таким образом, планиграфическая характеристика протогородов Приуралья в целом совпадает с раннегородской структурой поселений Древней Руси, где так же существует укрепленная часть и неукрепленный посад. Аналогичная картина прослежена на ряде городских поселений Волжской Болгарии»²⁶.

Сравнивать раннегородские структуры Древней Руси и Волжской Болгарии с крупными племенными центрами Верхнего Прикамья некорректно, так как эти государства стояли на важнейших водных торговых магистралях (Великий Волжский путь, «путь из Варяг в Греки и из Грек»), что способствовало возникновению сперва открытых торгово-ремесленных центров, а затем, с установлением прочных торговых отношений, формированию почвы для образования и роста крупных городских центров (Сувар, Биляр, Киев, Новгород). Среднее и Верхнее Прикамье находилось в удалении от путей мировой торговли, а Кама представляла интерес для Волжской Болгарии и Древней Руси лишь в качестве зоны обменной торговли или кратковременных набегов за пушниной – «рухлядью», о чем свидетельствуют находки древнерусских мечей у д. Гавриково и г. Чермоза. Подобные условия процесса урбанизации не порождали, и даже в относительно крупных для этого региона общинных центрах не начинается формирование городских структур.

Недаром резкий упадок городищ родановской культуры происходит во второй половине XIII в., и не в связи с гипотетическим притоком болгар, а с монгольским нашествием на Волжскую Булгарию и Древнюю Русь. Прекращается поступление импортных предметов из указанных государств²⁷, что привело к прекращению внешнеторговых операций в Среднем Приуралье и сказалось на аккумуляции богатств у племенной элиты. Замедлились и процессы социальной стратификации в древне-

пермских общинах Верхнего и Среднего Приуралья, о чем свидетельствуют чрезвычайно бедные погребальные комплексы родановской культуры (Кудымкарский, Гуринский, Плотниковский, Верх-Боровской могильники)²⁸, а также материалы о культурных связях населения Среднего Приуралья, обобщенные А.М. Белавиным в монографии²⁹.

Нельзя считать мощным социально-экономическое воздействие Волжской Булгарии на пермских финнов, так как население Среднего и Верхнего Прикамья не было вовлечено в товарно-денежные отношения. Эти отношения имели обычный для цивилизации и первобытной периферии обменный характер, что подтверждается отсутствием на территории кладов монетного серебра (известны лишь отдельные монеты, использовавшиеся в качестве украшений или сырья для переплавки).

Некоторые положения работ А.М. Белавина уже подверглись критике в научной литературе³⁰. По справедливому мнению Л.Д. Макарова, исследователи Пермского педагогического университета слишком смело используют достаточно отрывочные и противоречивые сведения Ибн-Фадлана и других восточных информаторов «о стране Вису». Авторы произвольно соотносят эту область со Средним и Верхним Прикамьем, бездоказательно утверждая, что «Верхнее Прикамье вошло в состав Болгарии и его население платило харадж и джизью»³¹. Из этого положения следует необоснованное сопоставление упоминаемых в арабских источниках городов Афкуль с Рождественским комплексом на р. Обве в Карагайском районе Пермской области, Чулымана с Чердыню, Ибыра с Анюшкарком.

Как и у Л.Д. Макарова, так и у нас вызывает критику выделение на Рождественском комплексе мусульманского некрополя XI-XII вв.³² К сожалению, в археологии Среднего и Верхнего Прикамья имеется существенный пробел, связанный с изучением могильников позднего средневековья (XIV-XVI вв.), не дающий возможности детально проследить эволюцию погребального обряда начиная с XIII в. Однако даже немногочисленные материалы Кудымкарского, Ильинского и Верх-Боровского могильника позволяют заключить, что отнесение Рождественского, а тем более поврежденного Камским водохранилищем Анюшкарского некрополя к мусульманским могильникам XI-XII вв. не может быть убедительно доказано.

А.М. Белавин в ходе исследования Рождественского и Анюшкарского городища усматривает за валами памятников участки культурного слоя, интерпретируемые им как посадки. Но на этих памятниках раскопки за пределами валов не велись, и данное объяснение может носить только гипотетический характер. За валы городищ могли выносить кузницы и другие сооружения, которые представляли собой пожарную опасность. Наличие

за валами городища культурного слоя с керамикой можно фиксировать на многих укрепленных средневековых поселениях (Гырчиково, Искор и пр.) и даже на поселениях раннего железного века (Субботино I, Гляденово), но никто из исследователей не допускал, что они имеют дело с «протогородами» и примыкающими к ним посадами.

Нас не убеждает тезис А.В. Старкова, согласно которому только в период позднего средневековья появляется новый тип укрепленных поселений, отличающийся большой площадью (3-4 га) и сложной системой оборонительных укреплений³³. Городища площадью, превышающей 2 га, известны в Прикамье и в эпоху раннего железного века (Гляденовское, Осинское), и в эпоху раннего средневековья (Бутырское, Опутятское). Сложные многовалы оборонительные сооружения с деревянными конструкциями и даже с каменными крепидами имеют многие городища Прикамья, существовавшие начиная с эпохи раннего железного века и кончая эпохой раннего средневековья (Алтен-Тау, Юго-Камское II, Иван-Гора). Каким-либо особым конструктивным различиям в сооружении городищ разных эпох раннего железного века не наблюдается. Изменения фиксируются на некоторых родановских городищах и связаны они лишь с увеличением высоты валов. Реконструкция наземных фортификационных сооружений никем до сих пор не проводилась. Вряд ли можно согласиться с А.В. Старковым в том, что «приток в середине XIII в. болгар в Прикамье» создавал основу для сохранения лишь крупных городищ, поэтому малые периферийные исчезали³⁴. В условиях, когда почти 90% всех позднесредневековых городищ Среднего Прикамья не подвергались детальному археологическому исследованию, судить об их хронологии, по крайней мере, преждевременно.

Изучение небольших городищ Гырчиково, Семино, Получемье дает основание предполагать, что они продолжали существовать и после XIII в. То же можно сказать и о Эсперовом городище на р. Каме, исследованном Г.А. Бординских. На наш взгляд, такие небольшие городища, как Лобаниха и Крымкар в Чердынском районе, относятся к поздней стадии родановской культуры, что свидетельствует о принадлежности их отдельным родановским общинам, в то время когда шел процесс сегментации родовых образований. Кроме того, на наш взгляд, хронологическая лакуна XIV в. обусловлена неточной относительной периодизацией древностей Среднего Приуралья, что создает неоправданное впечатление полного запустения региона в это время.

Безусловно, в Верхнем и Среднем Прикамье наблюдаются серьезные социальные и экономические изменения, обусловленные влиянием Волжской Булгарии и Древней Руси, что ускоряет процесс социальной дифференциации и повышает статус элиты в виде вождей, старейшин и жрецов. Но какова структура этой элиты, какие отношения

складывались между нарождающейся знатью и простыми общинниками, совершенно не ясно.

Еще раз следует отметить, что никто из исследователей не отрицает, что в Среднем и Верхнем Прикамье в эпоху средневековья происходили заметные структурные изменения в обществе, но, на наш взгляд, они протекали замедленно и еще в рамках поздней стадии первобытно-общинного строя. Здесь, безусловно, шел процесс выделения вождей, и по всем показателям родановское общество находилось на уровне формирования института вождества. Об этом свидетельствуют летописные материалы 1472 г. о событиях в Верхнем Прикамье, которые зафиксировали наличие общинной элиты – Мича, Коча, Зыбра, Исур, Бурмат. О том же говорит сюжет о Паме-сотнике в «Житии Стефана Пермского» Епифания Премудрого. Но урбанизация Верхнего и Среднего Прикамья начинается, когда данный регион входит в состав Московского государства. Здесь появляются настоящие городские центры (Чердынь, Соликамск), а во второй половине XVI в. - поселения особого типа - строгановские вотчинные городки.

Понятие «протогород», как мы выяснили, употребляется крайне непоследовательно, часто подменяется термином «племенной центр» или «суперцентр» в случае крупных раннеземледельческих поселений³⁵ или используется наряду с терминами «город», «эмбрион города», «ранний город». Упомянутое понятие не имеет в исторической науке точного определения и употребляется в отношении хронологически и социально-экономически различных явлений.

Часть исследователей (В.В. Седов, Д.А. Авдусин, В.П. Коваленко и др.) понимают под «протогородом» любое предгородское образование или эмбрион города. Однако, как справедливо отметил В.В. Седов, далеко не всегда можно провести грань между протогородом и ранним городом³⁶.

Другие исследователи (И.В. Дубов, И.Я. Фроянов) считают, что протогородская фаза не является основополагающей в развитии раннего города, а представляет собой исключительный случай, имеющий комплекс историко-культурных причин. В противовес протогородским структурам ученые выделяют открытые торгово-ремесленные поселения, которые, как правило, полиэтничны и ориентированы в первую очередь на мировую транзитную торговлю. Такие центры не всегда были жизнестойки и с изменением внешнеполитической ситуации или переориентацией торговых путей они могли затухать в своем развитии.

У этих исследователей в протогородских центрах типа Тимерево, Гнездово почему-то развивается «городское ремесло» (а нужно бы развиваться «протогородскому»). Можно привести мнение эстонского археолога Ю. Селиранда, который выдвигает явно противоречивый тезис: «Развитие земледелия в Эстонии в начале II тыс. являлось основой для развития ремесленного производства

и торговли, в результате которого возникли более крупные центры, имеющие первые характерные черты городской общины, и которые можно рассматривать в качестве предшественников средневековых городов - раннегородских поселений или протогородов»³⁷. Налицо смешение понятий протогорода и раннегородского центра, свидетельствующее о том, что так называемые «протогород» и «раннегородской» центр являются полными синонимами.

У термина «протогород» есть историографическая предыстория. Термин, близкий к этому понятию, в отечественной историографии средневековой Руси оформляется уже в первой половине XX в. в классическом труде академика Б.Д. Грекова, который полагал, что многие городские функции сосредоточивались вокруг своеобразного «эмбриона»³⁸. Выражение, заимствованное из биологии, кажется интуитивно ясным: «уже есть, но еще не родился». Однако использование биологических параллелей в истории неправомерно и непродуктивно.

Для обозначения древнерусских укрепленных поселений догосударственной эпохи наиболее часто употребляется термин «племенные города», существование которых «исторически обусловило возникновение и развитие древнерусских городов»³⁹. Противоречивость этого понятия раскрыл Н.Н. Воронин: «Это укрепленные поселения последнего этапа первобытно-общинного строя, и в этом смысле это – поселения «племенные», т.е. догосударственные, но городами в научном смысле слова их называть еще нельзя»⁴⁰.

В отечественной исторической литературе получила распространение концепция множественности путей формирования раннего города и многообразия форм предшествующих ему поселений. Однако между ними наблюдается определенное типологическое сходство⁴¹. Процесс формирования города можно разделить на три этапа; на первом в крупных центрах накапливается необходимый культурный и экономический потенциал; на втором происходит приобщение к городской культуре сельскохозяйственного населения («культурная колонизация»), на третьем сельская и городская периферия органически включается в деятельность ведущих центров⁴².

Выделенный В.В. Карловым третий этап, по В.М. Массону, свойствен обществам с установившейся государственной властью. В таких условиях города и сельская периферия, действительно, функционируют как единая социально-экономическая система, подчиняясь выполнению наиболее важных задач, определяемых центральной властью. Для формирующихся раннеклассовых обществ, находящихся на уровне вождеств, характерны в основном первый и второй этапы. К тому же процесс протекал неравномерно, переживая периоды застоя и упадка, регрессивного движения к обществу более низкого уровня⁴³.

Хронологические рамки отдельных этапов развития городов на территориях расселения восточных славян до сих пор не установлены, а механизмы происходивших в них изменений (от племенного центра до раннегородского центра) детально не изучены⁴⁴. Фактически ничего нового, кроме выделения совершенно неясного понятия «протогород», не произошло.

Приходится констатировать, что формирование ранних городских структур в недрах первобытного общества представляет собой сложнейшую проблему, отягощенную хаосом в терминологии и теоретических построениях. До сих пор идут дискуссии о том, был ли процесс образования города в форме полисов или городов-государств синхронен политогенезу⁴⁵. По данным Н.Н. Крадина, в американской антропологии вообще существует мнение, согласно которому государство могло возникнуть и без городских структур⁴⁶. В отечественной же историографии укрепило мое мнение о том, что появление городов (урбанизация) предшествует оформлению раннего государства⁴⁷. Отдельные исследователи считают наличие «протогородов» явным критерием вождества⁴⁸. Но, повторимся, никто из ученых не доставляет себе труда определить, что же такое «протогород».

Чтобы внести ясность обратимся к основному значению термина. «ПРОТО... [< гр. *protos* первый] – первая составная часть сложных слов, обозначающая: 1) первоначальный, первичный...»⁴⁹. Итак, «протогород» есть первоначальный, первичный город, проще говоря, «первогород». Заметим, что в данном случае лексически не подразумевается никакого отличия «протогорода» от просто «города», кроме хронологического. Выделение в особую научную проблему «первого» города, настолько же искусственно и непродуктивно, как и выделение «второго», «третьего» или «последнего».

Уже указывалось на то, что «протогород» всегда ходит в одной упряжке с «протогосударством», «протоцивилизацией». Это своеобразные «близнецы-братья». В силу чего мы освобождены от тяжелого труда доказывать теоретическую пустоту «прототерминов», поскольку это уже блестяще сделано П.Л. Белковым:

«В науке создание новых проблем подчас заменяет собой решение старых. Сам факт переключения внимания на новообразованную область дискуссий притупляет чувство нерешенности старой проблемы, а это уже «половина», если не все решение. Разумеется, специально никто не ставит своей целью обман научного сообщества. У этой ошибки природа сродни той, что описывается языком одной английской поговорки. Термин ставят впереди теории. Оборачиваемость такой теории, которая «тянется» вслед за термином, мнимой проблемой совершенно неизбежна как результат излишней познавательной деятельности...»

Особенно широко этот скорее мифологический, нежели эвристический метод применяется в эволюционных построениях и в чисто процедурном аспекте состоит в искусственном удвоении существующей проблемы. Из нее, или внутри нее, - одно другому не противоречит – выделяется подчиненная проблема, которая в дальнейшем и противопоставляется ей в качестве вполне самостоятельного элемента научного познания. Таково соотношение проблемы (сущности) государства и проблемы происхождения государства⁵⁰. Добавим только, что все сказанное вполне применимо к сущности и происхождению «протогородов».

Не стоит ли сосредоточиться на решении проблемы города? Хотя П.П. Толочко и констатировал в 1989 г.: «Наиболее трудной продолжает оставаться проблема происхождения древнерусских городов. Опыт отечественной историографии убеждает, что трудности в ее решении связаны не только с отсутствием достаточной источниковой базы, но и с теоретической неразработанностью... Многие трудности в постижении такого сложного социального явления, каким был древнерусский город, как показывает опыт отечественной и зарубежной историографии, происходят по причине отсутствия четкости в определении самого понятия «город»⁵¹.

Сложности с определением испытывают не только отечественные ученые. Британский историк Л. Мамфорд еще в 1966 г. пессимистически заявлял: «Никакое одно определение нельзя приложить ко всем проявлениям, и никакое одно описание не может охватить все его превращения от зародышевого социального ядра до сложных форм зрелости... Происхождение города темно, большая часть его прошлого похоронена или стерта так, что его невозможно восстановить»⁵².

Необходимо отметить, что отечественные ученые давно и достаточно плодотворно работают над проблемой определения города. Я.Е. Водарский в 70-е гг. XX в. предложил даже классификацию существующих определений. Он выделил четыре их типа: 1) официально называющийся городом в источниках (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, А.Д. Чечулин); 2) торгово-промышленное поселение (Н.А. Рожков, Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин, К.Н. Сербина, М.Я. Волков); 3) торгово-промышленное поселение, военно-административный центр или поселение, сочетающее в себе черты того и другого (П.Н. Милюков, Ю.Р. Клокман); 4) торгово-промышленное поселение с городской, т.е. посадской, общиной (Н.И. Костомаров, М.Н. Тихомиров, А.М. Сахаров, Л.В. Черепнин)⁵³. Сам Я.Е. Водарский придерживался последнего определения.

Были предприняты попытки определения понятия «город» в историко-географических исследованиях. Согласно Р.М. Кабо, «город есть одна из форм размещения материального производства и расселения людей, участников производства»⁵⁴.

Может быть, очень удобное для географической науки сведение понятия город к «географической концентрации неземледельческого населения в отдельных пунктах» не может быть принято в историческом исследовании, поскольку в этом случае к определяемому понятию относятся и фактории, и заводские поселки, и мн. др.

Представляет интерес определение города в целях этнографического изучения, предложенное М.Г. Рабиновичем: «Город - местный экономический и культурный центр, относительно крупное поселение, с более сложным, чем у сельским поселений, социальным и экономическим составом жителей, большинство которых занято в производстве для обмена и в обмене, что порождает совокупность особенностей домашнего и общественного быта, отличающих городской образ жизни»⁵⁵. Как видно из самой формулировки, основной ее чертой является выявление специфического городского образа жизни. При всей важности изучения этой стороны бытования городских населенных пунктов историческое исследование городов не сводится к ней.

Уже в 80-е гг. научная мысль пошла дальше. В 1983 г. О.Г. Большаков и В.А. Якобсон определили город как «населенный пункт, в котором концентрируется и перераспределяется прибавочный продукт»⁵⁶. А.В. Куза в 1985 г. несколько развил данную формулировку относительно раннефеодального города (работа носила археологический характер): это «...постоянный населенный пункт, в котором с обширной сельской округи-волости концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась большая часть произведенного там прибавочного продукта». Внесенные А.В. Кузой дополнения должны были подчеркнуть 1) отличие города от временных станов для сбора полюдьа - «постоянный»; 2) связь города с большой волостью (областью) - «обширный»; 3) важнейшую экономическую функцию города (ремесленное производство) - «перерабатывалась»; 4) высокую степень концентрации в городе прибавочного продукта, средств и возможностей его переработки и перераспределения в отличие от погостов, факторий, крепостей⁵⁷.

И, наконец, в работе 1990 г. Б.Н. Миронов подразумевал под городом (имея в виду позднефеодальный) «...поселение многофункционального назначения со значительным (по крайней мере, несколько сот человек) населением (его торгово-промышленная часть составляет посадскую общину), которое живет в условиях специфического уклада общественной жизни, своей деятельностью организует во всех отношениях (в хозяйственном, политическом, административном, культурном) тяготеющую к нему сельскую округу и объединяет ее в единый государственно-хозяйственный механизм»⁵⁸.

Как заметил тот же Б.Н. Миронов, в среде исследователей до сих пор нет единства в вопросе,

возможно ли общеформационное понятие «город» или же принципиально нельзя найти общее определение города на всей протяженности его существования в пределах региона или даже одной страны. Причем сам он склоняется к последнему взгляду. Нам же кажется более плодотворным первый путь, поскольку если в ходе исторического развития явление изменяется настолько, что утрачивает свою первоначальную сущность, то необходимо констатировать возникновение совершенно нового явления и, соответственно, по-новому его именовать. Очевидно, что такое явление как город при всей его историчности не утратило своего основного содержания, о чем свидетельствует уже неизменность самого понятия «город». Задача исследователя заключается в том, чтобы обнаружить это неизменное, принципиальное, сущностное содержание данного явления⁵⁹.

Несмотря на явное различие приведенных определений, все они имеют одно и то же основание, а именно взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на города как закономерное порождение процесса общественного разделения труда в условиях появления частной собственности и антагонистических классов⁶⁰ (впрочем, эти взгляды не оспариваются и историками-немарксистами)⁶¹.

Авторы настоящей работы считают, что основой определения общеформационного понятия «город» должно стать историко-материалистическое положение о перераспределительной (регулятивной) функции города как его сущностном качестве. Отдельные ее стороны, такие как производственная (перераспределение предметов труда в процессе общественного производства на основе разделения труда между городом и деревней, отдельными отраслями промышленности), торгово-транзитная (перераспределение материальных благ между отдельными людьми и регионами посредством товарного обмена), государственно-административная (перераспределение прибавочного продукта между классами и сословиями в виде налогов и пр.), военная (перераспределение материальных благ путем вооруженного насилия) и культурно-конфессиональная (разделение умственного и физического труда), могут выступать на различных этапах существования города в качестве исторических (преходящих) функций, присущи в разной степени конкретным городам в различные периоды их истории.

Исторически первой из городских функций была производственная, сформировавшаяся на основе второго разделения труда. Известно, что города формируются как центры земледельческих регионов. Развитие производственной, а затем торговой функции породили остальные (государственно-административную, военную, культурно-конфессиональную), которые обеспечивали городам через возникшие институты власти (политической, военной, судебной) и другие общественные институты (религиозные) возможность осуществ-

лять свое господство над сельской округой, управлять ею.

Таким образом, исходя из уже известных определений город можно охарактеризовать как постоянный населенный пункт, центр сельскохозяйственной территории, в котором концентрируется, перерабатывается и перераспределяется большая часть произведенного в ней прибавочного продукта, население которого живет в условиях специфического уклада общественной жизни и благодаря своей деятельности организует в хозяйственном, политическом, административном, культурном отношении сельскую округу и объединяет ее один государственно-хозяйственный механизм.

Если принять такое определение города, то из него легко вывести археологические признаки городского характера древнего поселения. Подобного рода попытки уже неоднократно предпринимались в отечественной археологической науке, и, надо признать, не без успеха. Н.А. Шахова, суммировав суждения специалистов (начиная с Вебера), вывела следующие основные археологические критерии раннего города (в основном морфологические):

«1. Значительная для данного региона и периода площадь памятника в сочетании с относительно высокой плотностью и этажностью застройки, отражающая значительное количество населения.

2. Комплекс монументальных разнофункциональных зданий.

3. Сложная структура застройки, отражающая социальную и производственную дифференциацию.

4. Наличие признаков ремесленно-торгового центра.

5. Наличие укреплений или использование с этой целью естественного рельефа местности»⁶².

Однако эти признаки обобщены эмпирически, путем сопоставления общих черт крупных поселений, заподозренных в принадлежности к городам. Если же строго следовать функциональному определению города, то получится примерно следующий перечень.

Подтверждением наличия производственной функции города и функции хозяйственной организации сельской округи могут служить особенности материальной культуры, прежде всего распространение в округе продуктов городского ремесла, факт отделения внутри города кузнечного дела от металлургии. По мере исследования можно и необходимо определить и другие признаки.

Наличие торгово-транзитной функции доказывается появлением симптомов выделения торговли в особую сферу деятельности: безменов и разновесов, измерительных эталонов, крупных (общественных) зданий для хранения товаров и продуктов.

Государственно-административная функция реализовалась в виде сложной структуры застройки

ки поселения, прежде всего в делении на детинец и посад, как правило, тоже укрепленный. Внутри детинца должны находиться складские помещения-амбары для хранения хозяйственных продуктов, полученных в качестве дани или оброка.

Военная функция проявляется в возведении достаточно совершенных оборонительных сооружений и больших общественных зданий, служащих местом сбора или проживания дружины.

О существовании культурно-конфессиональной функции свидетельствует присутствие непосредственно на площади поселения достаточно крупных культовых сооружений и в непосредственной близости от поселения (либо даже внутри него) особого городского некрополя, с выраженной имущественной дифференциацией в погребениях.

В нашем перечне мы избегали археологических признаков городского характера поселения, имеющих относительный характер. Значительные размеры поселения, высокая плотность застройки и численность населения могут быть свойственны и сельскохозяйственным поселениям.

Нелишне будет заметить, что на городском характере поселения можно настаивать лишь при наличии *большинства* перечисленных черт. Городу, даже самому «раннему», должны быть присущи все упомянутые функции, а стало быть, и их основные археологические признаки, хотя бы в неразвитой форме.

Подмена же научной проблемы генезиса города псевдонаучной проблемой «протогорода» превратилась в большую проблему отечественной исторической и археологической науки. Положительные исследовательские результаты можно получить только в том случае, если не плодотворно мусорить, а, разгребая паранаучные завалы, сосредоточиваться на значимых вопросах науки.

Примечания

¹ История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988. С.250.

² Сайко Э.В. Введение // Город в процессах исторических переходов. М., 2001. С.3.

³ Шахова Н.А. О сущности и археологических критериях древнего города // Проблемы истории, филологии, культуры. М.;Магнитогорск, 1995. Вып.2. С.6.

⁴ Белагин А.М., Старков А.В. Некоторые вопросы формирования протогородской цивилизации у финно-угорских народов Приуралья // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып.1.

⁵ Массон В.М. Динамика развития трипольского общества в свете палеогеографических оценок // Первобытная археология. Поиски и находки. Киев, 1980.

⁶ Шмаглий Н.М., Дудкин В.П., Зиньковский К.В. Некоторые вопросы социально-демографической реконструкции крупного трипольского поселка // Новейшие открытия. Киев, 1975. С.108.

⁷ Шмаглий Н.М. Крупные трипольские поселения в междуречье Днепра и Южного Буга // XVIII конференция Ин-та археологии АН УССР. Ужгород, 1978. С.42.

⁸ Массон В.М. Перспективы изучения исторических процессов в доскифских обществах Восточной Европы // Государство и общество. История, экономика, политика, право. 1999. №3-4. С.18.

⁹ Сайко Э.В. Переход в социальной эволюции... С.38-39.

¹⁰ Седов В.В. Введение // Становление Европейского средневекового города. М., 1989. С.4.

¹¹ Седов В.В. Становление Европейского раннесредневекового города // Становление Европейского средневекового города. С.44.

¹² Булкин В.А., Лебедев Г.С. Гнездово и Бирка (к проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С.11-17; Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники древней Руси IX-XI веков. Л., 1978. С.139.

¹³ Дубов И.В. Города величеством сияющие. Л., 1985. С.61.

¹⁴ Дубов И.В. К проблеме «переноса» городов в Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России: проблемы историографии. Л., 1983. С.70-72; Дубов И.В. Города величеством сияющие. С.68-69.

¹⁵ Дубов И.В. Города величеством сияющие. С.65-66.

¹⁶ Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С.55.

¹⁷ Спицын А.А. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. М., 1893. Вып.1. С.65.

¹⁸ Смирнов А.П. Финские феодальные города // На удмуртские города. Л., 1938.

¹⁹ Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958. С.202.

²⁰ Оборин В.А. Археологическое изучение г. Чердыни // Исследование по археологии и истории Урала. Пермь, 1998.

²¹ Голдина Р.Д. Верх-Саинское I городище - средневековый протогород на средней Шакве // Труды Камской археологической экспедиции Перм. гос. пед. ун-та. Пермь, 2001. Вып. 1-2.

²² Голдина Р.Д. Древняя и Средневековая история Удмуртского народа. Ижевск, 1999. С.396,399.

²³ Иванова М.Г. Иднакар - Древнеудмуртское городище IX-XIII вв. Ижевск, 1998. С. 243.

²⁴ Белагин А.М. О социально-экономических критериях выделения протогородов коренных народов Урало-Поволжья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции Перм. гос. пед.

ун-та.; *Белафин А.М., Старков А.В.* Некоторые вопросы формирования протогородской цивилизации финно-угорских народов Приуралья // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып.1.; *Агафонова Н.Н., Белафин А.М., Крыласова Н.Б.* Страницы истории земли Пермской: Прикамье с древнейших времен до начала XVIII в. Пермь, 1995; *Крыласова Н.Б., Белафин А.М.* История изучения Рождественского археологического комплекса (Афкуль) // Российская археология; достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск, 2000 и др.

²⁵ *Белафин А.М.* О социально-экономических критериях выделения протогородов коренных народов Урало-Поволжья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции Перм. гос. пед. ун-та. С. 108; *Белафин А.М., Старков А.В.* Некоторые вопросы формирования протогородской цивилизации финно-угорских народов Приуралья // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. С.156.

²⁶ *Белафин А.М., Старков А.В.* Некоторые вопросы формирования протогородской цивилизации финно-угорских народов Приуралья // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. С. 128.

²⁷ *Старков А.В.* Городища Верхнего Прикамья и системы их обороны // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. С.100.

²⁸ *Оборин В.А.* К вопросу об этническом составе русских поселений Верхнего Прикамья в XVI-XVII в. // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.

²⁹ *Белафин А.М.* Камский торговый путь. Пермь, 2000.

³⁰ *Макаров Л.Д.* Несколько слов относительно некоторых концепций исторического прошлого Верхнего Прикамья // Пермское Прикамье в истории Урала и России. Березники, 2000.

³¹ *Белафин А.М., Крыласова Н.Б.* Основные этапы этнокультурной истории пермского Приуралья в эпоху железа // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Кудымкар, 1997. С.135.

³² *Мельничук А.Ф., Коренюк С.Н.* Проблема отражения процесса христианизации населения Перми Великой в погребальных комплексах XV-XVIII вв. // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар. 1996. Т.1. С.167-168.

³³ *Старков А.В.* Средневековые городища Верхнего Прикамья // Исследования по археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С.23.

³⁴ *Старков А.В.* Городища Верхнего Прикамья и система их обороны // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. С.100.

³⁵ *Массон В.М.* Перспективы изучения исторических процессов в доскифских обществах Восточной Европы. Государство и общество. Исто-

рия. Экономика. Политика. Право. СПб.; Ижевск, 1999. С.18.

³⁶ *Седов В.В.* Становление Европейского раннесредневекового города // Становление Европейского раннесредневекового города. М., 1989. С.43.

³⁷ *Селиранд Ю.* О предпосылках возникновения раннегородских поселений в Эстонии // Тез. докл. советской делегации на V международном конгрессе. М., 1985. С. 70.

³⁸ *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1949. С.97.

³⁹ *Тараканова С.А.* О происхождении и времени возникновения Пскова // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры. М., 1947. Вып.35. С.25.

⁴⁰ *Воронин Н.Н.* К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры. М., 1951. Вып.41. С.22.

⁴¹ *Тимошук Б.А.* Древние города Северной Буковины // Древнерусские города. М., 1981. С.135.

⁴² *Карлов В.В.* О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (к постановке вопроса) // Русский город (Историко-методол. сб.). М., 1976. С.57.

⁴³ *Массон В.М.* Типология древних городов и исторический процесс // Древние города: Матер. всесоюз. конф. «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». Л., 1977. С.9.

⁴⁴ *Авдусин Д.А.* Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // Вопросы истории. 1980. №2. С.33.

⁴⁵ *Гуляев В.И.* Города-государства майя (структура и функции города в раннеклассовом обществе). М., 1979; *Павленко Ю.В.* Основные закономерности и пути формирования раннеклассовых городов-государств // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984.

⁴⁶ *Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С.49.

⁴⁷ *Бондаренко Д.М.* Производственная и социальная организация городов йоруба и эдо (бини) в «предъевропейский период (XIV-X в.) // Сов. этнография. 1991. №4; Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Вып.2: История первобытного общества. М., 1999. С.161-164.

⁴⁸ *Киселев Г.С.* Хауса: Очерки этнической, социальной и политической истории (до XIX столетия). М., 1981.

⁴⁹ Современный словарь иностранных слов. М., 1993. С.497.

⁵⁰ *Белков П.Л.* Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игры в термины? // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С.165-166.

⁵¹ *Толочко П.П.* Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С.6.

⁵² Цит. по: Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С.7.

⁵³ Водарский Я.Е. Города и городское население России в XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России в XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С.98-99,101-107; Водарский Я.Е. Население России в конце XVII - начале XVIII века. М., 1977. С.115-117.

⁵⁴ Кабо Р.М. Города Западной Сибири... С.3.

⁵⁵ Рабинович М.Г. К определению понятия «ГОРОД» (в целях этнографического изучения) // Сов. Этнография. 1983. №3. С.19.

⁵⁶ Большаков О.Г., Якобсон В.А. Об определении понятия «город» // История и культура народов Востока (древность и средневековье). Л., 1983.

⁵⁷ Археология СССР. Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. С.52.

⁵⁸ Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С.18.

⁵⁹ Изложенные далее положения уже публиковались в связи с некоторыми другими проблемами, см.: Корчагин П.А. История Верхотурья (1598-1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург, 2001. С.13-14.

⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.3. С.28-39,49-58; Т.21. С.160-163,170-171.

⁶¹ Шахова Н.А. Указ. соч. С.13.

ON «PROTOGOROD», IF THERE WAS SUCH AN ISSUE»

P.A. Korchagin, A.F. Melnichuk

Perm State University, 614990, Perm, Bukireva st., 15

The question discussed is the analysis of Eastern Europe city genesis concept.